

С. Я. ЛУРЬЕ, Геродот. Академия Наук СССР. Научно-популярная серия. Издательство Академии Наук СССР. М.—Л., 1947, 210 стр., Тир. 5000 экз., цена 19 руб.¹.

Вышедшая в научно-популярной серии Академии Наук СССР монография проф. С. Я. Лурье «Геродот» стремится восполнить пробел, ощущаемый сейчас не только в общедоступной, но и в специальной литературе по древней истории. Превосходное для своего времени, частично и ныне не утратившее своего значения исследование о Геродоте Ф. Г. Мищенко, предвзятое оба тома его перевода «Истории», краткая, но весьма содержательная характеристика «отца истории», данная В. П. Бузескулом, во «Введении в историю Греции», и некоторые другие, более специальные работы, как, например, Клиндера, при всех их достоинствах, теперь уже значительно устарели. Советский читатель нуждается в исследованиях по истории древнего мира, основанных на последних достижениях науки, сочетающих тщательный анализ первоисточника и детальное изучение фактов с обобщением их на основе марксистско-ленинского учения о развитии общества. Появление книги о Геродоте вызывает самый живой интерес, особенно если учесть крайне разноречивое отношение к «отцу истории», существовавшее в предшествовавшей литературе.

«Понять и представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о Греко-Персидских войнах и одновременно—первой книгой по истории,—и является главной целью нашей работы»,—пишет С. Я. Лурье (стр. 5). Однако автор невольно выходит за рамки поставленной перед собой задачи, касаясь многих других вопросов, неизбежно возникающих при изучении первого дошедшего до нас исторического труда. Ведь Геродот излагал не только события Греко-Персидских войн. С. Я. Лурье правильно указывает, что Геродот «был первым универсальным историком, не ограничившим себя рамками какого-нибудь одного государства или даже одного народа» (стр. 151).

Первая глава книги С. Я. Лурье содержит жизнеописание Геродота (стр. 7—32). Автор пытается показать жизненный путь великого историка на основании случайных упоминаний, рассеянных в его «Истории» и в работах позднейших авторов, в особенности Плутарха. Внимание С. Я. Лурье привлекают спорные вопросы: о месте рождения Геродота (стр. 10), о возвращении его из Фурий (стр. 27—28), о времени пребывания в Македонии (стр. 29—30) и т. д. Автором устанавливаются маршруты длительных и далеких путешествий Геродота и степень знакомства с теми или иными районами греческого и «варварского» мира. В этой главе мало самостоятельных наблюдений автора, но факты, изложенные им, подобраны умело и сопоставлены удачно. Эта глава дает представление о том, какими материалами располагает современная наука о жизненном пути Геродота.

В следующей главе—«Мировоззрение Геродота» (стр. 32—99) ставится вопрос о мирозерцании «отца истории», его политических убеждениях и об отношении к Греко-Персидским войнам. По широте задач и по важности поставленных проблем эта глава определяет направленность и характер книги, отношение и взгляды С. Я. Лурье к творчеству и личности Геродота.

Следующие три главы посвящены изучению источников Геродота (стр. 99—124), истории труда Геродота (стр. 124—133) и художественной технике Геродота (стр. 133—142). Автором устанавливается преемственность между прозаическим и предшествующим Геродоту поэтическим творчеством, между фольклором и эпосом и логографами. С. Я. Лурье считает, что торгово-ремесленные круги «спридя к власти, стремятся заменить аристократические сказания о богах и героях теми рассказами, которые вошли в моду в новом обществе и стали в свободное послеобеденное время главным развлечением людей, достигших теперь влияния и власти» (стр. 101). Таким образом, изменения,

¹ В основу настоящей рецензии положено сообщение, зачитанное на заседании кафедры древней истории МГУ, и некоторые замечания, сделанные во время прений.

происшедшие в литературном творчестве в эту пору, увязываются автором с социальными сдвигами VII—VI вв. до н. э., особенно характерными для Ионии. С. Я. Лурье показывает, что большую роль в осведомленности Геродота, его предшественников и преемников играли всевозможные эпиграфические памятники и устные сообщения.

Далее он останавливается на «основных принципах античной историографии», за которые выдает ряд формалистических приемов, как, например,—метод мотивированной замены, синкретизм и дублирование мотивов, секуляризация богов, этимологизация и т. д. Им уделено гораздо больше внимания, чем разбору классовых основ, определявших взгляды того или иного историка, хотя несомненно, что эти формальные приемы, которыми бессознательно пользовались древние, играли второстепенную роль и не обуславливали особенности и направленности произведений древних авторов. После краткой характеристики наиболее выдающегося логографа—Гекатея Милетского автор устанавливает, в какой степени Геродот прибегал к тем приемам, которые были характерны для античной историографии.

Рассматривая историю труда Геродота, С. Я. Лурье приходит к выводу о необоснованности предположений, что произведение его когда-либо существовало без вставных новелл и без всякого уклона в историю. «История» создавалась постепенно из отдельных самостоятельных сочинений, λόγος, посвященных описанию той или иной страны: Лидии, Персии, Вавилона, Египта, Скифии и т. д. «Позднейшая переделка этих λόγος в единое целое не была глубокой и коренной. Они до настоящего времени сохранили характер самостоятельных сочинений» (стр. 126). В них содержится большое количество ценнейшего фольклорного материала, в том числе относящегося к Скифии и поэтому особенно ценного для нас. С. Я. Лурье правильно подчеркивает историческую достоверность многих из этих сообщений. Автор последовательно выявляет сложные обстоятельства, при которых создавалась «История», решительно и убедительно опровергает положение некоторых ученых, полагающих, что она писалась по заранее обдуманному плану. Независимость первой части «Истории», охватывающей книги I—IV, доказывается тем, что в них ни слова не сказано «о желании описать Греко-Персидские войны». «Во второй части уже нет больше пестрого ковра, сотканного из географических описаний и восточных легенд; обрамляющий рассказ, служивший только цементом для вставных эпизодов, теперь является основным содержанием: здесь Геродот дает цельную, хотя и тенденциозную историю Греко-Персидских войн» (стр. 131).

Автор показывает, что на стиль и форму повествования Геродота оказали влияние разнообразные художественные жанры, широко распространенные в ту эпоху на Востоке и в Греции: басня, анекдот, зрелищная новелла, сказка. Воздействие их на трактовку реальных исторических событий, на наш взгляд, явно переоценивается автором книги. Что касается языка Геродота, то С. Лурье считает, что Геродот «вслед за ионийскими натурфилософами развивал общемалоазийское ионийское κοινή» (стр. 140), достигнув в этом поразительных художественных эффектов, не теряя ясности, четкости и простоты стили.

В заключительной—шестой—главе, озаглавленной «Геродот как историк» (стр. 142—146) С. Я. Лурье сопоставляет приемы исторического исследования у Геродота и его предшественника Гекатея Милетского. Если последнему свойственно стремление к «плоской рационализации» мифов, то Геродот, напротив, по мнению автора, «сохранил для истории целый ряд сообщений, которые лично ему казались недостоверными, но с нашей точки зрения содержат ценный и достоверный материал. Основная задача Геродота—не критика того, что уже собрано его предшественниками, а тщательное собрание и передача нового» (стр. 146). Однако степень влияния великого логографа на первого историка остается читателю неясной вследствие крайней невразумительности формулировок автора. Он считает, что кругозор Геродота уже, чем у Гекатея (стр. 150), что Геродот заимствует у Гекатея больше, чем мы думаем (стр. 143), но что эти заимствования не могли касаться самого существа дела. С другой стороны, С. Лурье говорит, что Геродот воспринял от Гекатея универсальную картину мира, этнографические отступления и даже самый принцип критического отношения к циркулирующим

рассказам, а также стиль в географических описаниях. Как примирить эти высказывания С. Я. Лурье? Из отзывов античных писателей о Геродоте автором приведены главным образом те, которые в той или иной степени дают отрицательную характеристику Геродоту. Это невольно создает впечатление преднамеренности их подбора. Впечатление это особенно усиливается данным в приложении переводом памфлета Плутарха «О злокозности Геродота», памфлета, язвительного и полного несправедливых нападок на Геродота, впервые переведенного на русский язык автором рецензируемой работы.

Обширные знания автора позволили ему умело подобрать многие интересные факты, сделать отдельные заслуживающие внимания наблюдения и дать несколько метких определений. Вполне обоснованно разрешается вопрос об отношении Геродота к варварам и эллинам. Отсутствие у Геродота пренебрежительного и враждебного отношения ко всему не-греческому, уважение к культуре древнего Востока выгодно отличают его от многих греческих авторов. С. Я. Лурье справедливо объясняет развитие греческого шовинизма, начиная с V в. до н. э., достигающего своего апогея у Плутарха, усилением и распространением рабства. «Тот факт, что огромное большинство рабов составляли варвары, дал возможность использовать уже существующие националистические предрассудки: раб низшее существо не потому, что он раб, а потому, что он «презренный варвар» (стр. 47). Отсюда вытекает, что терпимое и даже благожелательное отношение Геродота ко многим «варварским» народам—следствие не только его личных убеждений, но вообще присуще ранней стадии развития античной идеологии. Недаром греки той поры считали египтян, финикийн и вавилонян своими учителями.

Удивляет, что в книге С. Я. Лурье почти полностью опущено все, что относится к описанию народов СССР у Геродота. Только в самом конце последней главы этому важнейшему для нас вопросу уделена неполная страница. Создается впечатление, что автор поневоле говорит: «В работе, выходящей в нашей стране, необходимо еще сказать несколько слов о значении Геродота для истории южных территорий СССР» (стр. 156). Далее следует сжатое на одной странице изложение мнения Ростовцева об описании скифов Геродотом, заимствованное из работы «Скифия и Боспор» (изданной, кстати, в 1925 г., а не в 1935 г., как указано в примечании). Между тем достижения советских историков и археологов внесли существенные и принципиальные изменения и дополнения в суждения Ростовцева. Казалось бы, автор книги, посвященной «отцу истории», прежде всего обязан был заняться именно этим вопросом, наиболее актуальным для истории нашей Родины.

Ведь IV книга «Истории» — подлинная сокровищница ценнейших данных, вскрывающих начальную историю многих славянских племен. Как мог автор пройти мимо такого факта! Теперь уже установлена преемственная связь геродотовых невров со славянами. В работах акад. Н. Я. Марра указывается на участие скифских элементов в формировании древнейших славян. Даже легенда об основании Киева, по его мнению, восходит к киммеро-скифскому первоисточнику. Ценность сведений Геродота для истории Причерноморья доказывают блестящие открытия П. Н. Шульца в Неаполисе (около Симферополя), установившие существование в Крыму скифского государства.

Геродот дает также ценные сведения, помогающие восстановить историческую топографию Кавказа, быт и нравы населявших ее народов (например колхидян). Очень важна киммерийская проблема, разобраться в которой помогают работы А. А. Иессена, умело сопоставившего традицию, передаваемую Геродотом, с археологическими памятниками.

Не менее важны и существенны сведения Геродота о народностях Средней Азии. В частности им излагается оборонительная война массагетов, положившая предел захватническим походам Кира. Основатель державы Ахеменидов, покоривший столько стран, нашел свою гибель в степях, прилегавших к Аральскому морю. В связи с этими событиями Геродот приводит интересные этнографические данные об этих племенах. Их сопоставление с результатами археологических

изысканий С. П. Толстова дало бы возможность притти к новым и интересным выводам. К сожалению, все эти сведения Геродота С. Я. Лурье оставил вне поля своего зрения.

Каковы же взгляды С. Я. Лурье на «отца истории»? Какую характеристику автор дает Геродоту? Как он расценивает основной труд Геродота—о Греко-Персидских войнах?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть метод, применяемый С. Я. Лурье в этой работе. Метод этот в своей основе не нов для автора. Читатель знаком уже с ним по другим работам С. Я. Лурье, в частности по его книге «История античной науки», но здесь, в научно-популярном очерке о Геродоте, он нашел свое наиболее яркое выражение и доведен до предела.

С первых же страниц работы ярко бросается в глаза полная зависимость автора от мнений, суждений и взглядов, высказанных в разное время буржуазными исследователями: Ф. Якоби, Эд. Мейером, Ф. Леграном и др. Их домыслы, в том числе безусловно вредные, порочные, принимаются автором не только безоговорочно, но даже с хвалебными эпитетами. Автор всегда охотно указывает, что его взгляды не представляют собой чего-либо нового или оригинального, что это общее место «современной исторической науки» (например, стр. 95—96), под которой он подразумевает главным образом работы Якоби, Мейера и Леграна. Он цитирует целые страницы их произведений, постоянно подчеркивая, что ограничивается приведением мнения Якоби или Мейера по тому или иному вопросу (стр. 38, 51, 62, 66, 73, 87, 98 и мн. другие).

Даже там, где С. Я. Лурье полемизирует с неоднократно упоминаемым в книге цюрихским профессором Э. Говальдом, он делает это с позиций Эд. Мейера, а вся полемика его носит характер популяризации взглядов Говальда, высказанных последним четверть века тому назад в парадоксальной статье в журнале «Гермес», написанной во вкусе гиперкритиков, гонящихся за внешним эффектом. Читая работу С. Я. Лурье, невольно получаешь впечатление, что автор задался целью широко популяризировать взгляды на Геродота, высказанные буржуазными исследователями-модернизаторами, а главным образом Эд. Мейера и Ф. Якоби. Зачем это понадобилось автору? Неужели он не мог самостоятельно написать исследование о Геродоте для советского читателя? Нужно прямо сказать, что, став на путь заимствования различных взглядов буржуазных исследователей, С. Я. Лурье превратил свою работу в трибуну для Эд. Мейера, Якоби, Говальда, Леграна, Кери и др. Их словами, их языком, их взглядами охарактеризовал проф. Лурье «отца истории» Геродота. Посмотрим, однако, что получилось благодаря этому с самим исследованием проф. Лурье.

По всей книге проф. Лурье разбросаны различные мысли и высказывания о Геродоте как человеке, гражданине, писателе и общественном деятеле. Нигде в книге эти высказывания автора не объединены в одно целое, поэтому нам приходится собрать их, чтобы представить, как проф. Лурье характеризует Геродота, его труд и позиции. Автор пишет, что Геродот провел долгое время в Дельфах, «вел продолжительные разговоры с местными жрецами и всецело проникся их идеологией. Свое сочинение он поставил фактически на службу дельфийскому жречеству» (стр. 13). До этого автор указывает, что «тот, казалось бы, неоспоримый факт, что Геродот родился в Галикарнаесе, не может считаться установленным» (стр. 10), «что сам Геродот называл себя фурийцем» (стр. 10), а на стр. 66 он пишет: «не забудем, что Геродот родился в Галикарнаесе, под властью персидского царя, жил там спокойно и безбедно». «С молоком матери он впитал в себя нерасположение и презрение к ионянам и никогда не мог окончательно преодолеть в себе чувство благоговения перед ведущим дорийским городом—Спартой» (стр. 89). Это не помешало ему, однако, в дальнейшем «стать на афинскую патристическую точку зрения» (стр. 144) и выдерживать «роль адвоката Афин до конца своей истории» (стр. 131). В угоду галикарнаским дорийцам Геродот прославлял спартанский уклад и спартанские общественные учреждения (стр. 57). «Геродот уверяет, что ионяне с древнейших времен были самым незначимым племенем во всей Греции», но в угоду афинянам он добавляет: «кроме Афин» (стр. 56). Геродот научился относиться

враждебно к Спарте и ее союзникам (стр. 97) и выполнять поставленную перед ним афинским правительством задачу, в частности, прославлять Афины, за что афиняне, несомненно, щедро наградили его (стр. 70).

Впрочем, «отец истории» делал все это умело: он внешне признавал националистическую концепцию и проводил «афинскую точку зрения исподволь и незаметно» (стр. 71), и даже умел ловко дать понять свои истинные взгляды читателям в тех случаях, когда проведение афинской точки зрения противоречило его религиозным чувствам или моральным взглядам (стр. 79). Питая благоговение к дорьянам, он в то же время всей душой сочувствовал Афинам и «с головой погрузился в ожесточенную склоку между греческими государствами» (стр. 79), делая все возможное, чтобы выгородить Афины, и одновременно поддерживая взгляд, что государственный строй спартанцев является образцом, причем, говоря о последних с легкой проицей и делая против них скрытые выпады (стр. 77).

Однако этим не исчерпывается характеристика взглядов и политических позиций греческого историка. Читатель узнает, что Геродот, испытывая перед Спартой чувство благоговения (стр. 89) и выполняя заказ Афин, вел изложение своего труда с точки зрения Персии, относился к персам с уважением (стр. 96), был в хороших отношениях с представителями персидской администрации в Галикарнассе (стр. 75), сочувствовал Персии в ее борьбе против малоазийских греков, выставлял персов героями (стр. 59), хотя и воспевал борьбу греков против Ксеркса (стр. 97), как высокомерного агрессора.

Геродот «стремился во что бы то ни стало обелить Македонию» (стр. 95), считал нужным выгораживать фессалийцев (стр. 76). Он был горячим поклонником Самоса, делал все возможное, чтобы обелить Самос, оправдывал измену самосских стратегов (стр. 94), но в то же время хотел «оправдать и жестокое поведение на этом острове персов» (стр. 95). Геродот «старается очернить фокидцев, так как их ненавидели дельфийцы» (стр. 94). Он всячески выгораживал Аргос (стр. 78) в интересах афинского правительства, собирал «все, что может служить к оправданию аргосцев, несмотря даже на то, что эти сообщения противоречат друг другу», пускал нелепую клевету против Фив (стр. 76), давал злостные сообщения о Коринфе (стр. 72), делал решительно все, чтобы обелить (стр. 90), выгородить (стр. 93) Дельфы, не брезгая фальсификациями (стр. 93). Геродот не был сторонником радикальной демократии (стр. 97), он считал, что массу людей легче обмануть, чем одного человека (стр. 61).

Таким образом, С. Я. Лурье создал чудовищный образ Геродота, стоящего одновременно на позициях всех враждовавших между собой государств и племен того времени.

Что можно сказать после этого о патриотизме Геродота? Да и как С. Я. Лурье понимает патриотизм? На стр. 96 он пишет: «Геродот был хорошим и честным патриотом своего родного государства—Галикарнасса»; несколько строк ниже, на той же странице мы уже читаем: «Геродот ввиду его новой, афинской, ориентации переселяется в Афины. Он становится хорошим, безукоризненным патриотом, но патриотом Афинского союза, а не панэллинским». Что же это за патриотизм, который меняется с переездом Геродота из одного государства в другое?

Парадоксально, что Лурье не находит в этом никакого противоречия. На стр. 97 он пишет: «Взгляд, по которому у Геродота встречается много противоречивого, попросту неверен,—он вызван неумением стать на точку зрения Геродота и понять ее».

Очевидно, один только С. Я. Лурье понимает, каким образом Геродот мог быть патриотом нескольких враждовавших между собой государств.

Для советского читателя такое понимание патриотизма абсолютно неприемлемо. Взгляды на патриотизм С. Я. Лурье, проводимые им в научно-популярной книге, рассчитанной на массового читателя, нужно признать вредными. Они целиком навеяны буржуазной литературой, от влияния которой С. Я. Лурье не захотел освободиться.

Исходные позиции автора, с которых он представил в таком неприглядном виде Геродота, легли в основу его описания и Греко-Персидских войн у Геродота.

Еще Бузескул в своей работе «Введение в историю Греции» (изд. 1915 г.) указал, что Эд. Мейэр искажил характер труда Геродота, а вот теперь, в 1947 г.,

С. Я. Лурье пошел значительно дальше Мейера, соглашаясь с большинством его положений. Он совершенно пренебрег исследованиями русских ученых, в первую очередь Мищенко, целиком стал на точку зрения буржуазных гиперкритиков и представил Греко-Персидские войны в изображении Геродота совершенно необычным для историка способом.

С. Я. Лурье пишет: «достаточно вспомнить» «как объясняет Геродот первопричины Греко-Персидских войн: греки украли у варваров такую-то женщину, варвары у греков—такую-то, греки у варваров—опять такую-то—и это все. Тут скорее история драки между двумя семействами, а не величайшего из бывших до тех пор столкновений мирового масштаба; ее нашел нужным пародировать уже Аристофан в «Ахарнянах». Смешно было бы утверждать, что Геродот старается установить, кто—«агрессор»: он только устанавливает, кто—первый задира, кто начал драку» (стр. 157—158).

С. Я. Лурье ставит наголову, следуя по обыкновению двум-трем иностранным авторам, всю историю возникновения и исхода греко-персидских войн. Оказывается, что прибытие 20 афинских кораблей на помощь Милету и другим греческим городам Малой Азии, восставших против персов, было, с точки зрения самих малоазийских греков «ничем не оправданной агрессией» (стр. 30). Что ионяне великолепно жили под властью Ахеменидов, а персидские сатрапы правили умеренно и справедливо, стремясь прекратить войны между греческими городами (стр. 67 и 86). Любовь к свободе никакой роли в восстании ионян не играла, последнее же вообще было лишь делом «нечистоплотных интриганов» (стр. 67) «фантазеров и теоретиков» (стр. 83). В действительности же, при внимательном чтении «Истории», не трудно установить, что военными действиями против персов руководило общее собрание ионян (V, 109), что ионийские воины призывали кипрских греков помнить о бедствиях, которые они терпят в «рабском подчинении персам», и сражаться храбро, чтобы Иония и Кипр «завоевали себе свободу» (V, 109). Геродот охотно описывает героические подвиги самосцев и киприан (V, 112—113) и особенно хиосцев (VI, 15). Прекрасно очерчен им образ доблестного патриота Диония Фокейского (VI, 17). Можно установить неоднократные попытки объединения греков (включая Сиракузы, Крит и Керкиру) для борьбы с персами (VII, 145, 153, 154, 168). Можно вспомнить о неудавшейся попытке Фемистокла привлечь ионян к общегреческой борьбе за независимость (VIII, 19, 22). Таким образом, мысль об общегреческой солидарности во время греко-персидских войн отнюдь не была чужда Геродоту, а сами войны представлялись ему освободительными. С. Я. Лурье извращает по существу описание войны Геродотом. Персы с его точки зрения вовсе не агрессоры, греки не вели освободительной войны, а исход ее постыден был не для персов (стр. 80), а для греков.

Характеристика творчества Геродота полностью вытекает из представления автора об «отце истории», мозаично составленного из цитат различных работ буржуазных историков и взглядов Эд. Мейера, Якоби, Леграна, Говальда и многих других. Вот, например, на стр. 84 С. Я. Лурье словами Леграна говорит: «Интересно убедиться в том, что великий историк Персидских войн чрезвычайно равнодушен ко всему, что мы называем национальной гордостью, славой и свободой, а в следующей же фразе утверждает, что «Геродот гордился подвигами афинян».

Непоследовательность С. Лурье и крайняя противоречивость созданного им чудовищного образа Геродота объясняется постоянным стремлением автора следовать в каждом отдельном вопросе взгляду какого-либо буржуазного «корифея».

В изображении С. Я. Лурье Геродот только и делал, что «обелял», «оправдывал», всячески «выгораживал», «умалчивал» (стр. 75). «искажал исторические факты» (стр. 42), «злорадствовал» (стр. 55), «высмеивал» (стр. 143), чернил и клеветал, сообщал с этой целью «непроверенные факты», «нелепые выдумки» (стр. 76), «совершенные абсурды» (стр. 73), «злостные сообщения», «ничего не значащей фразой только запутывал факты» (стр. 80). Одним словом, поступал по принципу «semper aliquid haeret», «клевети, клевети, что-нибудь да останется» (с обычной ссылкой на Эд. Мейера, стр. 73).

В сравнении с подобной характеристикой суровое суждение Сэйса о первом греческом историке покажется мягким упреком, а заглавие статьи Ф. Г. Мищенко «Не в меру строгий суд над Геродотом», справедливо и умно опровергающей взгляды англичанина, окажется вполне подходящим для суждения о работе С. Я. Лурье.

Автор создал искаженный образ «отца истории» Геродота и несправедливо очернил первый исторический труд.

По своим методологическим установкам книга является не марксистской и не может быть рекомендована широкому кругу читателей.

И. С. Кацнельсон

Проф. С. Ф. КЕЧЕКЬЯН, Учение Аристотеля о государстве и праве. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, 220 стр.

Важная и интересная тема развития древней науки, связанная с общей проблемой истории идеологии, в последнее время неоднократно привлекала внимание советских историков и философов (Лурье, История античной науки, 1947, е г о ж е, Геродот, 1947; М а к о в е л ь с к и й, Греческие атомы, 1946; А л е к с а н д р о в, Аристотель, 1940 и др.).

Этой же теме посвящена вышедшая в 1947 г. монография проф. Кечекьяна «Учение Аристотеля о государстве и праве». В книге, состоящей из введения, 11 глав и заключения, автор ставит следующие вопросы: судьба аристотелевой «Политики», ее подлинность, пробел и порядок книг (стр. 9—22); социально-политическая характеристика Афин времени Аристотеля (стр. 23—36); сопоставление философских и общественных взглядов Платона и Аристотеля (стр. 37—62); особенности античной собственности, воззрения Аристотеля на собственность и его защита рабства (стр. 63—80); учение о сущности государства и права, о преступлении и наказании (стр. 81—102); теория Аристотеля о формах государственного строя и государственных переворотах (стр. 103—121); защита Аристотелем «среднего» класса и «среднего» государственного строя; учение о справедливости и дружбе (стр. 122—140); отношение Аристотеля к афинской демократии, Спарте и македонской монархии (стр. 141—202); изображение «наилучшего» государства у Аристотеля (стр. 203—217).

Задача, поставленная проф. Кечекьяном,—проанализировать теорию государства и права у Аристотеля, приобретает в настоящее время особую актуальность.

Подобное исследование советского ученого, основанное на базе марксистско-ленинской методологии, должно противостоять обширной буржуазной литературе, которая, как известно, тенденциозно искажает учение Аристотеля и значительно его фальсифицирует. Буржуазные модернизаторы находят в учении Аристотеля о государстве аналогии с политическими принципами современного капиталистического строя, пытаются оправдать и доказать извечность их существования.

В своем введении проф. Кечекьян правильно устанавливает, что философские теории Аристотеля «были поставлены в середине века полностью на службу христианскому богословию, его рассуждения о собственности и рабстве получили широкое использование в попытках оправдания феодальных отношений и крепостничества, а его учение о формах правления находило свое признание в самых различных общественных и политических условиях. Буржуазные политики и историки, за редкими исключениями, сохранили этот антиисторический подход к учению Аристотеля, изучая его абстрактно, как некую универсальную систему понятий, как бы сохраняющих одинаковый смысл и одинаковое значение для всех времен и для всех народов» (стр. 4—5).

Проф. Кечекьян совершенно правильно намечает иной, противоположный этой фальсификации путь изучения Аристотеля—как теоретика греческого рабовладельческого полиса, «как выразителя интересов рабовладельческого класса, и притом определенных групп этого класса» (стр. 8). Сущность учения Аристотеля и задачу своего исследования автор формулирует следующим образом: «Политическая теория Аристотеля есть учение о динамике и о формах (морфология) греческого рабовладельческого госу-